

Приоритеты и ценности декабристского движения в России (взгляд с позиций философии)

Часть третья

Изменения в социальной сфере

В поиске путей воплощения справедливости в практике совместной жизни людей декабристы апеллировали, среди иных образований материального и духовного порядка, к человеческому достоинству. Считали, что бытие справедливости невозможно, если общество и государство случайно или целенаправленно попирают достоинство людей, игнорируют их законные потребности и интересы. У многих из них бытовало наивное убеждение, что «...всякий человек должен отбросить мелкие формальные соображения, не бояться личных неудобств и даже опасностей, если бы предстояло им подвергнуться, лишь бы только способствовать по мере сил всякому полезному и гуманному делу» [10, с. 228]. Личное, частное декабристы подчиняли общественному.

Идея приоритета общего перед частным, общественного перед личным явственно представлена в программных документах всех декабристских обществ. Первые российские революционеры считали, что планировавшиеся ими изменения в социуме невозможны без преодоления личного эгоизма индивидов, чувства обособленности, нежелания принимать к сердцу чужую боль. Делали ставку на взаимную поддержку человека человеком в трудную минуту, на понимание каждым важности борьбы с общим врагом — самодержавием. При этом мало задумывались над тем, как эти мировоззренческие установки можно реализовать на практике.

Декабристы пылко и страстно любили свою Родину и последовательно проводили мысль об обязательной необходимости формирования чувства патриотизма у всех ее граждан, особенно у подрастающего поколения. По мнению П. И. Пестеля, любовь к отечеству — «...источник всех государственных добродетелей и... сильнейшая подпора существования и

благоденствия...» [8, с. 141]. Задачу патриотического воспитания декабристы возлагали в первую очередь на родителей и учебные заведения. При этом были категорическими противниками существования частных учебных заведений. В «Уставе Союза благоденствия» отмечалось, что «Союз старается... отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях» [13, с. 244]. Подчеркивалось, что в процессе воспитания следует «...сколь возможно избегать чужестранного, дабы ни малейшее к чужому пристрастие не потемняло святого чувства любви к отечеству» [13, с. 268]. Одновременно дворянские революционеры ратовали за изучение опыта организации образования и воспитания в других странах. Критично относились к иностранцам, покидавшим родную страну ради службы в другом государстве. Говорили о важности предпочтения отечественного чужеземному.

Декабристы много внимания уделяли роли морали в жизни индивидов и общества. Нередко эту роль необоснованно преувеличивали. Идея нравственного совершенствования человека, количественного и качественного возрастания морального потенциала социума с особой силой представлена в «Уставе Союза благоденствия». В нем отмечалось, что «...*главный* (выделено — *В. П.*) предмет в воспитании должен быть нравственность...» [13, с. 268]. Одну из задач своей деятельности Союз благоденствия видел в распространении «...между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения...» [13, с. 241]. Членам данной организации вменялось в обязанность всячески способствовать тому, чтобы «...учебные заведения, распространяя полезные познания, *наибольшее* (выделено — *В. П.*) внимание обращали на нравственное образование воспитанников» [13, с. 267]. Правда, в этом документе идея морального образования и воспитания никоим образом не коррелируется с факторами экономического и политического характера и поэтому во многом имеет абстрактное звучание. В свете сказанного не очень убедительными являются, например, пункты Устава, в которых говорится, что члены Союза «...стараятся склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению...» [13, с. 262], «снабжают праздношатающихся

людей работами...» [13, с. 262], отвращают «...женский пол от суетных удовольствий...» [13, с. 266] и др.

В «Русской Правде» проводилась мысль, что «истина политическая» имеет ценность лишь тогда, когда является одновременно «истиною нравственною». Она заслуживает, несомненно, всяческого внимания и поддержки. Хотя в реальной жизни политика редко «дружит» с моралью, различные политические решения и действия, имеющие «моральное лицо», во все времена воспринимались и воспринимаются в народе с большим одобрением, чем те, которые сознательно или случайно игнорируют, а то и попирают мораль. «Соединение нравственности с политикою есть необходимое основание блаженства народного» [5, с. 426], — утверждал декабрист Н. А. Крюков. Одни представители декабристского движения, будучи людьми верующими, считали, что нравственность непосредственно вытекает из религии, другие, придерживающиеся атеистических взглядов, смотрели на мораль и нравственность как на явления светского характера. Как я уже подчеркивал, в программных документах всех декабристских обществ довольно много места уделено религии как фактору, влияющему на жизнедеятельность разных социальных субъектов.

Декабристы отмечали крайне важную роль *просвещения* в жизни общества и индивидов. По их мнению, «...сущность истинного просвещения...» — «...знание своих прав и своих обязанностей» [12, с. 222]. Знания нужны всегда. Особую ценность они имеют в ситуациях, когда индивиду приходится защищать свои интересы в суде. Любое правосудие, даже самое совершенное, не работает автоматически. В нем тесно взаимосвязаны факторы объективного и субъективного порядка. Далеко не последнее место среди них занимает знание тех правовых норм, которыми регламентируется жизнь людей. Изнеможенный трудом, неграмотный русский мужик не имел малейшего шанса отстаивать свои права ни перед помещиком, которому принадлежал, ни в суде. Власть имущих такое положение дел устраивало. Они были яркими противниками целенаправленного внесения знаний и культуры в

среду тех, кого жестоко эксплуатировали, считали, что «...ничего не могло быть пагубнее, как приступить к образованию народа» [15, с. 110]. Декабрист Н. И. Тургенев писал: «Наши проповедники — губернаторы, начальники отделений, директора, — не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам, восстают против просвещения» [11, с. 203].

Программные документы всех обществ декабристов содержали положения о необходимости создания в России условий для просвещения беднейших слоев населения. В этой связи представляет интерес позиция П. И. Пестеля относительно детей солдат. В «Русской Правде» он высказал мысль о целесообразности обучения их (за государственный счет) в педагогических институтах. Тем самым государство одновременно решало бы два важных вопроса: целенаправленно заботилось о детях тех, кто посвятил «...25 лет своей жизни служению отечеству в войске...» [8, с. 115], и готовило учителей для уездных и губернских училищ. Такая постановка вопроса — свидетельство не только разумной, социально направленной тактики, но и дальновидной стратегии декабристов.

«Для водворения прав законных необходимо просвещение» [4, с. 509], — подчеркивал П. Г. Каховский. Был убежден: «Страна та будет счастлива, где просвещение делается следствием свободы законной» [4, с. 512]. Одновременно декабристы обращали внимание на другую сторону взаимосвязи этих образований. Рассматривали просвещение как одно из условий и одновременно оснований свободы. При этом утверждали, что просвещение «...род человеческий... должно привести к нравственности» [9, с. 559], что оно «...есть надежнейшее лекарство против всех моральных зол» [2, с. 75]. Согласиться безоговорочно с такими выводами вряд ли можно. Жизнь убедительно свидетельствует, что возрастание объема знаний не всегда обязательно влечет за собой качественное изменение уровня нравственности субъектов, владеющих ими. Роль просвещения в повышении образовательного и культурного уровня населения дворянскими революционерами, несомненно, преувеличивалась. Яркий тому пример — мысль М. А. Фонвизина: «Когда

просвещение, подобно солнцу, озаряющему попеременно весь шар земной, достигнет и до сих пор несчастных народов, — самовластие исчезнет, как воздушный пар, и страдавшие от долговременного своего малолетства народы выйдут из-под опеки самовластия, возбужденные новыми силами, новыми мыслями и новыми убеждениями» [14, с. 382].

Среди вопросов, имеющих непосредственное отношение к функционированию социальной сферы общества, внимание декабристов привлекала проблема его социальной структуры. Довольно рельефно она обозначена в «Русской Правде». П. И. Пестель, как и другие декабристы, усматривал в сословной расчлененности российского социума могучее препятствие его прогрессивному развитию. Предлагал не только ликвидировать социальные сословия, но и создать необходимые законодательные и экономические основы для беспрепятственного перемещения индивидов из одних социальных групп в другие. Правда, в его рассуждениях по этому поводу акцент, к сожалению, делался не на вопросах собственности, а на профессиях людей, выполняемых ими функциях.

Слабее всего тематика преобразования социальных отношений в России представлена в «Проекте Конституции» Н. М. Муравьева.

Многие суждения декабристов относительно путей утверждения справедливости в социальной сфере поверхностны и несерьезны. Например, их стремление всех людей, независимо от национальности, рассматривать как русских; упование на справедливое решение ряда принципиальных вопросов социальной жизни дворянскими собраниями; предлагаемый порядок рекрутских наборов в армию и др.

От теории — к практике

Одной из существенных особенностей движения декабристов было то, что оно имело более-менее продуманные программы будущего преобразования государственного устройства России и базовых сфер общества. Тем самым декабристы как бы легитимизировали собственную деятельность. По своей

направленности движение имело выраженный гуманистический характер. Оно декларировало приверженность принципам справедливости, свободы и равенства.

Хорошо понимая, что для достижения поставленных целей недостаточно только силы духа, а обязательно нужна и материальная сила (декабристы видели ее в армии), первые российские революционеры указывали на непростую взаимосвязь силы, справедливости и права. Отмечали, что право, к сожалению, не всегда стоит на защите справедливости. А сила, прикрываясь лозунгом справедливости, и вовсе может обходиться без права. В этой связи нельзя не согласиться с декабристом М. А. Фонвизиным, который писал, что «...сила не требует права»; она «...сама истребляется последнею силою, ее превосмогающею» [14, с. 375]. Наиболее оптимальной моделью функционирования общества и государства является та, где в основе законов лежит справедливость, а сами они всячески способствуют утверждению этой ценности в практике общественных отношений. «...Не солдаты составляют силу и опору тронов, и те обманываются, которые думают, что можно оградить себя штыками» [4, с. 512], — писал П. Г. Каховский. Он призывал оградить «...отечество законом» [4, с. 512].

Декабристы не только мировоззренчески декларировали приверженность принципу справедливости, но и в меру своих способностей и возможностей пытались воплотить его на практике. Как правило, это были действия, направленные на изменение положения крестьян, которыми они владели как помещики. Единый, универсальный подход к решению данной проблемы отсутствовал. Каждый искал собственные пути реализации задуманного. Одни декабристы пытались дать крестьянам «вольную» — освободить от крепостной зависимости, бесплатно передавая в их пользование землю, недвижимое имущество, скот; другие, кроме этого, желали отдать внаем бывшим крепостным часть собственных земельных угодий; третьи за свой счет предоставляли возможность крестьянам, особенно из числа молодых людей, получить образование и профессию; четвертые выкупали крепостных и т. д.

При этом крестьяне законодательно были лишены права собственности на землю, что, в конечном итоге, не позволяло им самостоятельно и независимо осуществлять сельскохозяйственную деятельность.

Дворянские революционеры понимали, что предлагаемые ими изменения (а они касались практически всех сфер общественной и государственной жизни России), нельзя осуществить быстро. Здесь нужна разумная постепенность. Формулировали задачи, которые следует решать в первую очередь, и более отдаленные. Например, в «Русской Правде» отмечалось, что процесс разделения земель в России на общественные и находящиеся в частном владении, должен занять 15 лет. В «Проекте Конституции» Н. М. Муравьева утверждалось, что спустя 20 лет после обнародования и приведения в исполнение этого документа «...никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан Гражданином [российского государства — *В. П.*] [7, с. 297]. Свои выводы относительно темпов и перспектив намеченных преобразований делали, в том числе, на основе анализа опыта революционных событий в Западной Европе. Многие декабристы активно интересовались теорией и практикой политической борьбы оппозиции и власти в других странах. Интересны в этом плане работы М. А. Фонвизина. Несмотря на ярко выраженный революционный характер идей декабристского движения, его представители были заинтересованы в бережном сохранении накопленного в России опыта и знаний, которые могли бы способствовать прогрессивному развитию социума. Усматривали прямую связь между предлагаемыми изменениями в обществе и укреплением нравственного здоровья людей, ростом их патриотизма. Дворянские революционеры осознавали, что сила сопротивления со стороны тех, кто не разделял их взгляды, будет очень велика.

Выводы

История возникновения и функционирования декабристского движения дает основания сформулировать ряд *выводов*.

Вывод первый. Декабристы появились тогда, когда в российском обществе для этого движения созрели соответствующие экономические, политические и социальные предпосылки. Его создатели и участники пытались найти ответы на вопросы, которые поставила сама жизнь, и прибегли к насильственной форме воплощения своих идей на практике. На грубую силу власти ответили силой вооруженных восстаний. Учитывая объективные условия (расстановку классов в тогдашнем российском социуме; традиции монархизма, сильно укоренившиеся в общественном и личном сознании людей; образовательную и культурную отсталость крестьянства и др.), а также отсутствие у декабристов личного опыта политической борьбы, специфику понимания ими своих задач и нежелание (во многом основанное на боязни) привлекать для их решения широкие социальные слои, они, по сути, избрали единственно возможный в то время путь давления на власть. Правда, из-за просчетов организационного характера, он оказался неэффективным.

Интересна оценка декабристского восстания 14 декабря 1825 г. в г. Санкт-Петербурге, сделанная декабристом М. С. Луниным спустя 15 лет после этого акта революционного протеста (в 1840 г): «Восстание... как факт имеет мало последствий, но как принцип имеет огромное значение. Это первое официальное выражение народной воли в пользу представительной системы и конституционных идей...» [6, с. 163].

Вывод второй. В целевых установках декабристского движения стоит различать два, хотя и взаимосвязанных, но разных приоритета: изменение типа государственного устройства (на смену монархии должна прийти республика) и ликвидация крепостничества. Решение обеих задач предполагало не количественные, а *качественные* преобразования российского общества и государства. Если представить, что дворянским революционерам удалось свершить задуманное, то Россия после 1825 г. пошла бы совершенно иным путем, чем это было на самом деле. Потому-то столь решительной и жесткой была реакция царизма на выступления тех, кто жаждал этих перемен.

Вывод третий. Декабристы — дворяне, т. е. помещики. Многие — крупные помещики. Задачи, которые они ставили перед собой, во многом имели парадоксальный характер: следует уничтожить те экономические и социальные основы, которые обеспечивали им вполне комфортное, экономически независимое и социально значимое бытие в обществе. Правда, имелось в виду лишь уничтожение крепостничества. Собственность дворян на землю оставалась неизменной. Иными словами, предлагалось половинчатое решение проблемы. Сама эксплуатация крестьян не исчезала. Она приобретала иную форму. Но даже то, что планировалось сделать, носило выраженный революционный характер.

Вывод четвертый. Точно так, как классическая немецкая философия второй половины XVIII – первой трети XIX ст. своим содержанием и направленностью намного обогнала экономические, политические и духовные условия бытия германских обществ, на территории которых она возникла, идеи и стремления декабристов, отражая реалии и потребности российского социума первой четверти XIX ст., значительно выходили за пределы этих реалий. Они созвучны ценностям не феодального, а буржуазного общества. Последнее на момент выступления декабристов только начинало утверждать себя в России. А новое, как известно, у власть имущих всегда вызывает страх, нередко активное сопротивление.

Вывод пятый. Преследуя вполне благородные цели, декабристы неадекватно оценивали собственные силы и возможности, были утопистами в плане выбора путей изменения социальной действительности. Делали ставку на вооруженное восстание и на широкую поддержку своих идей в армии [См.: 15, с. 147]. При этом нельзя забывать, что «число войск под начальством членов общества никогда не было многочисленно» [1, с. 242]. К тому же, они боялись вести соответствующую пропагандистскую работу среди солдат и офицеров — даже в тех воинских подразделениях, где явственно чувствовалось недовольство существующим положением дел в России. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин писал о своем коллеге С. И. Муравьеве-Апостоле, что тот,

будучи офицером, «не приготавливал» солдат к будущим выступлениям против власти. «Он заранее был уверен в их преданности» [1, с. 242]. Декабрист И. И. Горбачевский так характеризовал деятельность членов Южного общества: «...Они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам...», «...полковые командиры всегда говорили, ... что они без всякого предварительного приготовления увлекут за собой солдат и офицеров» [3, с. 49]. Уделяя слишком много внимания разработке программных документов своего движения, декабристы почти совсем не занимались пропагандистской и воспитательной работой среди тех, на поддержку которых рассчитывали в планировавшемся восстании. Да и хорошо продуманного, детально разработанного плана широкого восстания во всей России они не имели. К тому же, не все члены Северного и Южного обществ проявили должную решительность и настойчивость в дни, предшествовавшие вооруженным восстаниям в 1825 г., и во время самих восстаний.

Вывод шестой. Базовой социальной (а не только моральной) ценностью декабристского движения была справедливость. В философских произведениях представителей английского, немецкого и французского Просвещения XVIII ст. она получила соответствующую теоретическую разработку. В философском дискурсе того времени (И. Гердер, Вольтер, Д. Дидро, И. Кант, Д. Локк, Ш. Монтескье, Ф. Шиллер и др.) справедливость рассматривалась в тесной взаимосвязи с такими ценностями как свобода и равенство. Теоретическое наследие декабристов (произведения философского и социально-политического характера, программные документы обществ, созданных ими) свидетельствует, что каждая из трех обозначенных социальных ценностей представляла для них существенный интерес. Но именно в утверждении справедливости в российском обществе они видели свою основную задачу.

Вывод седьмой. Во взглядах дворянских революционеров на справедливость и пути ее утверждения в России имела место определенная эволюция. Ее можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, само

декабристское движение с момента возникновения в 1816 г. и до ликвидации в 1825 г. существенно обогатилось содержательно и идейно. Менялись также его организационные формы. Во-вторых, декабристы, в первую очередь идеологи и руководители движения, постоянно совершенствовали его программные документы, находились в поиске оптимальных формулировок стоящих перед ними задач и путей их решения. В-третьих, программные установки Северного и Южного обществ по ряду положений, в том числе принципиальных, не совпадали.

Вывод восьмой. Взгляды декабристов на справедливость как норму социального бытия человека и общества лишены надлежащего философско-методологического обоснования. И это притом, что многие из них неплохо знали произведения классиков античной философии и работы западноевропейских просветителей. Выйти за пределы понимания справедливости как проявления естественного права они не смогли. Поэтому трактовали эту ценность как приобретенное человеком от рождения право распоряжаться определенными благами. Оно — норма, а не исключение, совместной жизни людей. Если вести речь о том, как феномен справедливости представлен во взглядах дворянских революционеров на пути преобразования экономической, правовой, политической и социальной сфер общества, то очевидно, что степень теоретической обоснованности справедливого характера предполагаемых преобразований в каждой из этих сфер разная. Наиболее аргументированными являются преобразования экономического и политического характера. Менее всего аргументов имеют преобразования, затрагивающие социальную сферу.

Вывод девятый. Хотя в понимании декабристов утверждение справедливости в практике общественных отношений обязательно предполагало расширение прав и свобод граждан российской империи, в первую очередь крестьян, развернутое, детальное понимание этих прав и свобод у них отсутствовало. В их работах свобода, как и социальное равенство, представлена прежде всего в форме политического лозунга, декларации

желаний. Я не говорю уже об определении четких путей достижения свободы (свобод). Это объяснимо, ведь декабристы — менее всего теоретики. В первую очередь, они практики. Но практика, как известно, без надлежащей теории слаба. Дворянские революционеры ставку делали на *дарование* прав и свобод гражданам России посредством изменения законов, а не на обретение этих ценностей в нелегкой борьбе с эксплуататорами. Почти не задумывались над тем, что сложнее всего не обрести свободу (в их ситуации — дать ее другим), а защитить добытое, удержать его в своих руках. Еще более сложная задача — научиться пользоваться свободой.

Вывод десятый. Декабризм — пример того, как одни люди пытаются «осчастливить» справедливостью не только себя, но и множество других, не интересуясь у последних, желают ли они принять такой подарок и устраивают ли их те формы, в которых справедливость может быть воплощена на практике. Если идея о необходимости освобождения крестьян от крепостной кабалы имела широкое «хождение» в общественном сознании тогдашнего российского социума и активно поддерживалась самими крестьянами, то желание дворянских революционеров заменить монархию республикой поддержки у значительного числа граждан России не находило. Тем не менее, жаждущие перемен, декабристы считали, что они правы в своих желаниях и стремлениях.

История свидетельствует, что многочисленные попытки *навязать* индивидам, их различным объединениям, обществу в целом справедливость извне не всегда приносят предполагаемый результат. Достаточно вспомнить нежелание колумбийских крестьян поддержать известного латиноамериканского революционера Эрнесто (Че) Гевару, пытавшегося поднять революционное восстание в Боливии в 1966–1967 годах и освободить страну от диктаторского режима; принципиальный отказ большого числа жителей Африки делать бесплатные прививки от опасных болезней, уносящих с завидной периодичностью жизни сотен и тысяч людей; невысокую эффективность деятельности международных организаций, занимающихся образовательной и культурно-просветительской работой среди женщин во

многих мусульманских странах. Справедливость, как и свобода, ценится людьми лишь тогда, когда она добыта собственными усилиями в нелегкой борьбе. Причем, крайне важно, чтобы эта борьба носила осознанный характер.

Вывод одиннадцатый. Как представители господствующего класса, декабристы, хотя и были способны на важные шаги по изменению оснований и условий бытия современного им российского общества, в силу своего социального происхождения и положения не смогли подняться до осознания необходимости ликвидации эксплуатации человека человеком вообще. Будучи первыми российскими революционерами, они боялись самой революции, не понимали места и роли народных масс и в истории, и в революционных преобразованиях действительности. Дворянская революционность лишена масштабности и глубины — теоретической, идеологической, социальной, классовой.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин М. П.* Из январских показаний 1826 г. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 2. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 242–252.
2. *Борисов П. И.* Выгодковскому П. Ф. [12 июня 1825 г.] // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 3. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 75–76.
3. *Горбачевский И. И.* Из «Записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 3. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 12–51.
4. *Каховский П. Г.* Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 501–515.
5. *Крюков Н. А.* Из «Записной книжки» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 2. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 424–431.

6. *Лунин М. С.* Общественное движение в России // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 3. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 163–167.

7. *Муравьев Н. М.* Проект Конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 295–329.

8. *Пестель П. И.* Русская Правда // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 2. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 73–162.

9. *Рылеев К. Ф.* Отрывки и заметки // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 559–560.

10. *Тургенев Н. И.* В тайном обществе // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 224–229.

11. *Тургенев Н. И.* Из «Дневников» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 189–214.

12. *Тургенев Н. И.* Мысли о составлении общества... // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 221–223.

13. Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 237–276.

14. *Фонвизин М. А.* Из статьи 1823 года // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 375–383.

15. *Якушкин И. Д.* Из «Записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. — С. 97–152.

